

Н.А. Жуков

СЕВЕРНЫЙ СКЛОН

«Sag' mir, wo die Blumen sind...»

0+

Николай Афанасьевич Жуков

Северный склон

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50938101

SelfPub; 2022

Аннотация

Это автобиография. Уникальность книги состоит в том, что биография автора тесно переплетена с историей страны, поэтому она может быть интересна читателю. Книга издана в старейшем издательстве "Триумф" и посвящена 75-ой годовщине подвига советского народа в Великой Отечественной войне. Книга содержит подлинные факты из истории страны, рассказанные очевидцем и их непосредственным участником.

Николай Жуков

Северный склон

Командир отделения отдельного батальона автоматчиков,
а затем порученца командира 96-й отдельной стрелковой
бригады 7–35 гвардейского стрелкового
корпуса 64–7 гвардейской армии
Жуков Николай Афанасьевич.

Все что я рассказываю в этом маленьком «конспекте», действительно имело место в моей жизни. Писать об этом я никогда не собирался, однако сделал это по настоятельной просьбе директора Музея Боевой Славы 64-й – 7-й Гвардейской армии в Волгограде тов. Филатова. Если написанное мною принесет хотя бы маленькую пользу людям, буду искренне рад этому.

Откровенно говоря, все, что здесь рассказано, писал для своих родственников.

Писал в «ускоренном» темпе, а отсюда и масса всяких погрешностей.

Высылая все это нашему музею, полагаю, что его Совет не будет «придирчивым» и отнесется к ним с позиции «свои люди – сочтемся».

Все, что недосказано мною, полагаю, что будет восполнено музеем и следопытами, которые должны помочь найти героев подвигов, соединить их вместе и обнародовать.

Этого от нас требуют сами герои и история.

Родился в 1922 году на Белгородщине в крестьянской се-

мье. Нас у родителей было четверо: брат Василий, сестры Наташа и Нина.

Раннее мое детство ничем не отличалось от обычного детства мальчишки того времени. Жил с родителями. Учился в школе в начальных классах. Помогал им тем, что присматривал за младшими и вместе с мальчишками-односельчанами пас нашу корову на лугу, как и они своих.

И вот однажды летом на пастбище пришла моя тетя, младшая сестра моей матери, забрала меня и привела домой. Войдя в дом, я увидел лежавшую на смертном одре мою мать, умершую от какой-то непродолжительной болезни. С этого дня мои брат, сестры и я стали считаться полусиротами. Это произошло летом 1931 года.

Настала голодная весна 1933 года. Отцу было тяжело с нами четверьмя. В один из дней конца апреля того тяжелого года он мне сказал, чтобы я шел в город Харьков в поисках там спасения от голодной смерти, объяснив мне это тем, что ему трудно нас содержать, а мое отсутствие поможет ему создать экономию тех крох, которыми тогда питалась наша семья.

Выполняя волю отца, сшив себе в дорогу из войлока тапочки, на следующий день я покинул отчий дом, а в нем — залившись слезами отца, брата и сестер.

Удаляясь от дома, я оглядывался в сторону, откуда вышел. С того дня прошло много времени, но и сейчас я вижу, как из раскрытого окна нашего дома смотрят мне вслед полуго-

лодные младшие брат и сестры, отец стоит у дома, плечи его вздрагивают, а по его рукам, закрывшим лицо, текут слезы...

Идя в неведомую мне неизвестность, я не имел никакого представления о городе Харькове, о том, кому я там нужен, кто обо мне проявит заботу и кто мне заменит родной дом. Да это и не удивительно – ведь мое развитие состояло в двухклассном образовании и восьмилетнем жизненном опыте.

Свой впервые самостоятельно проделанный пятидесятикилометровый путь до гор. Харькова я преодолел пешком почти за двое суток. Проходя через деревни, я заходил в некоторые дома в надежде на то, что меня покормят... но лишь в одном из них мне дали две картошки в «мундирах», в другом – кусочек какого-то подобия хлеба, в остальных домах я видел таких же истощенных людей, как и сам, нуждавшихся в той помощи, какую я рассчитывал получить от них.

И вот я в незнакомом мне городе Харькове. Хожу по его улицам и площадям, сам не зная, куда и к кому иду. Из головы не выходит одна – единственная мысль – где взять что-либо поесть. Таких мальчишек, как я, встречал все чаще и чаще.

На следующий день вспомнил отца, брата, сестер. Мне почему-то стало их жалко. Расплакался. Решил возвратиться домой, но как выйти из города и какой дорогой идти в свое село, не знаю. Спрашиваю у прохожих, мне отвечают одно и то же: не знаю. К концу дня заметил, что руки и ноги мои

набрякли. Утром следующего дня затекли и глаза. Это результат недоедания. Меня подобрали как беспризорника и отправили в так называемые «Салтовские бараки».

Там после соответствующей санобработки поместили в один из барачков, в котором уже находились беспризорники. На этих сборных пунктах дети-беспризорники были обеспечены сносным трехразовым питанием, медицинским обслуживанием. С ними работали воспитатели.

Теперь я понимаю, что, несмотря на столь тяжелую обстановку и внутренние трудности в стране, нашей партией и советским правительством было уделено максимум заботы о детях-беспризорниках, как подрастающему будущему поколению нашей Социалистической Родины.

От воспитателей и беспризорников узнал о том, что в бараках формируют ребят в группы и отправляют в детские дома в другие города.

В период пребывания в этих бараках я немного окреп и в числе других часто уходил в город и находился там целыми днями. Месяца через два такого образа жизни из нас сформировали группу человек 50 и отправили поездом в детдом совхоза имени В. В. Куйбышева Лазорковского района Полтавской области. От этой группы к месту прибытия осталось немногим более половины – остальные сделали «выводы» в пути.

Как сейчас помню первый день нашего прибытия в этот совхоз. Прodelав пешком двенадцатикилометровый путь от станции Лазорки до совхоза, мы все устали и кое-как добрались до него. Разместили нас на клуне на соломе. Сюда пришли от дирекции принимать нас у сопровождавшего эвакуатора и, естественно, пришли посмотреть на нас взрослые, в том числе и мальчишки. И вот один из них – как потом мы узнали, Вова Сидоренко, сын директора этого совхоза, – крикнул своему товарищу, назвав его по имени: «Иди сюда смотреть, у́рок привезли»... Тот подбежал и начал нас рассматривать. А смотреть действительно было на кого. Все мы были полуистощенные, одеты кто во что и как попало...

На следующий день к нам пришла женщина лет 35 и объявила, что ее назначили заведующей детским домом. Зовут ее Прасковья Демьяновна. Потом мы узнали, что она является матерью Вовы и женой директора совхоза. Начали устраиваться. На второй или на третий день после прибытия я обнаружил опухоль ног, рук и под глазами. Такое же явление было обнаружено и у других. После осмотра врач объяснил, что это результат недоедания.

Дирекцией совхоза при активном участии Прасковьи Демьяновны нам, детдомовцам, по тем временам были со-зданы идеальные условия. Нам выделили одно крыло здания общежития. Для мальчиков и девочек выделили отдельные комнаты. Каждому поставили отдельную койку со всеми

необходимыми постельными принадлежностями и тумбочкой на двоих. Каждый получил себе новую одежду и обувь.

Начался учебный год. В школу пошли и мы. Учились наши ребята в 3, 4, 5..10 классах. Я стал учеником 3-го класса. Ребята учились хорошо, старательно, за исключением отдельных случаев. У нас создали комсомольскую и пионерскую организации. Заработала художественная самодеятельность. Мы выступали перед рабочими совхоза, в селах, школах. На районном смотре мы, детдомовцы, заняли ряд призовых мест.

В период летних каникул мы работали в совхозе на полевых работах, в огороднических бригадах и даже на животноводческих фермах.

Шло время. Мы присматривались и узнавали друг друга. Среди нас появилась присущая спайка коллективизма, все за одного, один за всех. С местными детьми и жителями построили правильные взаимоотношения. Завязалась дружба, главным образом по линии школы. Местные в нашем лице стали видеть своих друзей. Нас перестали называть «урками». А Вова Сидоренко днями «пропадал» у нас, учил с нами уроки, вместе шел в школу и был лучшим моим «противником» по шашкам. Тогда наш совхоз еще не был радиофицирован. В связи с этим вечером 5 декабря 1936 года нас повезли в соседнее село, в клубе которого мы слушали по радио выступление И. В. Сталина на Чрезвычайном VIII съез-

де Советов, по докладу которого съезд утвердил новую Конституцию Союза ССР. На следующий день наши воспитатели рассказали нам основные положения и значение новой Конституции.

В то время в нашей стране не было принято по случаю встречи Нового года ставить елку, как это делается сейчас. По предложению любимца детей секретаря ЦК КП (б) у П. П. Постышева вводилось новшество – при встрече Нового 1935 года впервые устанавливалась украшенная елка.

В тот день в одной из комнат и нам поставили елку. Мы ее соответствующе нарядили и украсили. К нам пришел уже новый директор совхоза Грачев, который вместе с нами за чашкой чая встретил Новый год. По-отцовски рассказал нам, когда впервые в России стали встречать Новый год, почему возобновляется обычай встречи Нового года с елкой, и т.д. Затем каждому из нас преподнес и вручил новогодние подарки. Это он сделал очень просто и по-отечески. За такое теплое отношение мы ему пообещали учиться на «хорошо» и «отлично» и быть примерными в своем поведении.

Не все у нас шло гладко и хорошо. Наряду с общеизвестными детскими шалостями имели место и недостойные поступки отдельных ребят, а то и целых групп. Вот один из них.

В совхозе имелось четыре трактора ХТЗ, которые были отремонтированы и подготовлены к весенней посевной кампании 1935 года.

Стояли они недалеко от нашего общежития на открытой площадке. Кто-то из наших «старших» с одного из тракторов снял горючепровод, состоящий из медной трубки, идущей от керосинового бака к отстойнику карбюратора, и сделал из нее самопал. Этот самопал заряжал серой из спичек и стрелял из него. Такая «игра» понравилась и другим. В результате со всех тракторов были сняты трубки и превращены в самопалы.

За несколько дней перед выходом в поле главный механик совхоза решил еще раз осмотреть тракторы и с ужасом обнаружил отсутствие на них горючепроводов. Что это: диверсия или очередной «трюк» детдомовцев? Собрали всех нас. Разговор шел начистоту. В результате выясняется, что это наша работа. Разоружаемся – все, у кого были самопалы, положили на стол. С нами провели соответствующую беседу. Обещали исправиться. Свое слово сдержали. После этого подобных случаев не было.

Дирекция совхоза в срочном порядке командировала механика в город Харьков, который на ХТЗ приобрел и привез соответствующее количество горючепроводки. Все они были поставлены на тракторы. Срыв весенней посевной был предотвращен.

Летом 1936 года с меньшим сыном директора совхоза Грачева мы проникли в совхозный сад по яблоки. Я взял кусок кирпича и бросил в яблоню, чтобы сбить яблок. Падая

обратно на землю, кирпич упал и рассек кожу на голове Грачева, отчего его голова и лицо залились кровью. Это увидела мать. От увиденного она потеряла сознание и упала в обморок. В испуге от случившегося, я спрятался в кукурузе и не появлялся в детдоме до утра следующего дня. А когда пришел домой, то узнал, что меня отправляют к родителям домой. Затем выяснилось, что такое решение было принято за несколько дней до этого случая в отношении тех детей, у которых нашлись родители.

Итак, прощайте, детдом, ребята, воспитатели! Я уехал в сопровождении воспитателя домой.

В родное село я приехал в сопровождении эвакуатора Задорожного, который сдал меня под расписку секретарю сельского совета, а сам поспешил на станцию. В сельсовет за мной пришла мачеха, которая и привела домой, где меня уже ожидали брат и сестра. Меньшая сестра Нина не пережила трудностей 1933 года. Позже с работы пришел и отец. Встретили меня тепло, хорошо, как родного. Через несколько дней пошел на работу; работал на таких работах, какие могут выполнять дети моего возраста.

Начался новый учебный год. Я пошел в 5-й класс. Хожу, учусь. Замечаю, что мачеха чем-то недовольна. Однажды невольно услышал ссору между нею и отцом. Мачеха убеждала его в том, что я должен работать, а отец настаивал и доказывал ей, что я должен учиться. Они так и не пришли к

единому мнению. Но я продолжал ходить в школу. Отношение мачехи ко мне желало много лучшего.

Однажды я пришел из школы, и мачеха заставила меня выполнять ряд домашних работ. Я их сделал. Настал уже вечер, а она так и не предложила обед. Я попросил обед, – она промолчала. Я попытался это сделать сам, – она этому воспрепятствовала. Между нами произошла ссора. Я в нее бросил тарелку – тарелка разбилась. Вскоре с работы пришел отец. О случившемся она ему рассказала в выгодном ей свете. Отец поверил ей, сделал односторонний вывод и принял ко мне меры «воспитательного» характера, следы которых у меня имеются и сейчас.

На следующий день, как всегда, иду в школу. После занятий пришел домой. Началось повторение вчерашнего. Прихожу к выводу, что я стал причиной ссор между отцом и мачехой. Принимаю решение «нормализовать» между ними обстановку – ухожу из дому. Иду и плачу от жалости расставания с братом и сестрой. Ведь из дому ухожу, не попрощавшись с ними и никому не сказав о своем уходе. При мне нет ни копейки денег, а на улице конец ноября 1936 г.

В конце улицы встречаюсь с отцом, на вопрос которого отвечаю, что иду к такому-то взять такой-то учебник. Это был тот день, когда говорят – «видел последний раз в жизни». Так случилось и у меня.

Но вместо «такого-то» я пошел на станцию Нежеголь, 12-километровое расстояние до которой преодолел часа за три-четыре. Как только зашел в вокзал, сразу же встретил трех беспризорников, которые ко мне отнеслись с должным пониманием и вниманием, покормив меня купленным в буфете. С этого момента у меня началась другая жизнь.

В этот же вечер поездом поехали, а рано утром приехали в город Белгород. Денег у нас не оказалось. На мне было хорошее зимнее пальто, которое продали на базаре. Деньги разделили на четверых. Я остался в пиджаке, без пальто.

Оказавшись на станции Белгород, мы под составами товарных поездов переходили на другую сторону станции. Я шел последним. И вот в тот момент, когда я подлез под вагон товарного состава, увидел, что стоявший состав начал трогаться. Быстро соображаю, что проскочить вперед между колесами вагона состава не успею. Вернуться обратно также не успею. Состав идет. Что делать? Ложусь лицом вниз поперек шпал параллельно рельсам головой, навстречу идущим вагонам...

Лежу. Слышу стук колес вагонов набирающего скорость поезда...

Жду трагического исхода...

Вдруг стало тихо; поднимаю голову, открываю глаза – передо мной ничего нет. Оглядываюсь назад и вижу, как от меня убегает красный огонек, прикрепленный к последнему ва-

гону удаляющегося товарного состава. Быстро поднимаюсь и догоняю своих приятелей.

Примерно через дней десять кончились деньги. Что делать? Решаю ехать в город Харьков. Оставляю своих приятелей. Вечером сажусь на подножку с обратной стороны вагона пассажирского поезда, идущего в сторону Харькова. Время года – конец ноября-начало декабря. Я в пиджаке, но в шапке-ушанке. Сел на подножку, обхватив перила, закрыв руки на «замок». Поезд набирает скорость. Мне становится все холоднее и холоднее. Ветер пронизывает насквозь, нет терпения. Решил броситься с подножки в невидимую снежную пелену, поднимающуюся из-под колес поезда и встречного ветра. Но не могу расцепить окоченевшие руки. Затылком стучу в дверь вагона. Оказавшийся в тамбуре проводник открывает дверь, расцепляет мне руки и помогает зайти в вагон. В вагоне я занимаю третью багажную полку, обхватив теплую трубу, согреваюсь и так засыпаю...

В Харькове попал в детский приемник-распределитель, откуда был направлен воспитанником на кожевенный завод в город Шебекино Белгородской области. Здесь я работаю учеником слесаря, хожу в школу, учусь играть в духовом оркестре. Вынашиваю намерение стать музыкантом...

В связи с этим мне советуют старшие «коллеги» начать эту подготовку в военном оркестре. С помощью депутата Верховного Совета СССР тов. Серикова добиваюсь зачисле-

ния меня воспитанником военного оркестра 163-го стрелкового полка в городе Белгороде. В оркестре нас три воспитанника: Вова Бочаров, Вася Губарев и я...

Нас взяли на полное материальное обеспечение. Изучали с нами дисциплинарный устав, устав внутренней и караульной службы. Кроме игры в оркестре все мы по очереди дежури́м сигнала́стами по части, на стрельбищах, участвуем в учениях и походах полка. Учимся в вечерней школе рабочей молодежи. Здесь меня принимают в комсомол.

Наша тройственная фантазия приводит к тому, что решаем вместе податься в моряки. С этой целью в 1938 году увольняемся из полка и втроем едем в город Севастополь. Но там нам не везет. Нас не берут на военные корабли. Не хватает по 1–2 года возраста. Они возвращаются в Белгород, а я еду в свое село и прямо со станции прихожу в сельсовет, секретарем которого оказался мой соученик по школе, но старших классов. Объясняю ему, в чем дело, он меня понимает и в течение 20–30 минут оформляет и выдает мне свидетельство о рождении на один год старше. Вместо 1923-го я теперь стал 1922 года рождения. Взяв свидетельство о рождении, прямо из сельсовета возвращаюсь на станцию, а оттуда еду в город Севастополь, где меня принимают и зачисляют в музкоманду линкора «Парижская Коммуна» эскадры кораблей Черноморского флота.

(В конце Великой Отечественной войны линкор был переименован и назывался «Севастополь»).

В связи с тем, что корабль часто выходил в открытое море на учения, в походы, я не имел возможности учиться в школе. А от комиссара корабля политуправление флота требовало, чтобы я, как воспитанник, учился. По этой причине я уволился и 10 мая 1940 года списался с корабля, уехал в город Москву...

В Москве меня приняли воспитанником – музыкантом духового оркестра Московского Дважды Краснознаменного Военного политического училища им. В. И. Ленина. Оркестр этого училища на 50–60% был укомплектован воспитанниками – выпускниками Ростовской н/Д и московских музыкальных школ. В декабре 1940 года приказом начальника училища меня зачисляют красноармейцем срочной службы.

В период прохождения службы воспитанником, а затем и солдатом устанавливаю и поддерживаю близкие, дружеские отношения с Николаем Левшиным, Борисом Титовским, Николаем Баландиным, Анатолием Евполовым, Олегом Буданковым. В целом личный состав оркестра – это была спаянная дружкой и товариществом единая семья, в которой жили по принципу «все за одного, один за всех».

Нужно прямо сказать, что служба воспитанником в 163-м СП, на линкоре «Парижская Коммуна» и в Московском военно-политическом училище им. В. И. Ленина, общение с людьми, умудренными жизненным опытом, не только спасли и дали путевку в жизнь, но уже в этом возрасте научили глубже понимать жизнь, привили любовь к Социалистической Родине.

В подтверждение этого вкратце могу сослаться на то, что наряду с оркестровой службой с нами занимались и политической подготовкой. С нами проводили политзанятия, в том числе и по краткому курсу ВКП (б). Такие занятия проводили опытные политработники и комиссары. Мы слушали лекции о международном положении и на другие темы, которые читали люди, получившие известность и признание в этих кругах.

Наше училище готовило политических работников и комиссаров для Советской Армии. В нем учились курсанты и проходили переподготовку политруки и комиссары, многие из которых уже участвовали в боях за Социалистическое Отечество на Хасане, Халхин-Голе, участвовали в финской кампании, в задержании шпионов и разгроме банд на границах Союза ССР. О подвигах многих из них мы знали по их личным рассказам, из газет, журналов и других материалов. Это имело благотворное влияние на наше воспитание.

Многое давало нам в воспитании патриотических чувств

участие на военных парадах на Красной площади войск Московского гарнизона по случаю празднования годовщины Октябрьской социалистической революции, первомайских торжеств и Дня физкультурника.

Находясь на Красной Площади у Мавзолея В. И. Ленина в составе тысячетрубного сводного военного оркестра в течение всего военного парада войск Московского гарнизона, воочию видели на трибунах Мавзолея всех руководителей партии и советского правительства, во главе которого тогда находились И. В. Сталин, В. М. Молотов, М. И. Калинин, прославленные маршалы К. Е. Ворошилов, С. М. Буденный и др. партийно-государственные деятели и военачальники Советской Армии.

Сам факт нахождения на главной площади страны у стен Мавзолея бессмертного В. И. Ленина, в составе сводного оркестра по случаю великого торжества и обеспечивая это торжество, с трибун которого принимают парад руководители партии и правительства первого в мире социалистического государства, говорит сам за себя и ко многому обязывает.

В наше время это торжество смотрят миллионы советских людей в нашей стране и за рубежом по телевидению. Тогда же такой великой чести удостоивались немногие. На участника парада на Красной площади тогда смотрели как на человека, видевшего так много! У него об этом расспрашивая, а он рассказывал обо всем виденном торжественно, как о весьма важном событии.

В конце ноября 1940 года в Москве умер один из секретарей коммунистической партии Чехословакии. Наш оркестр обеспечивал его похороны. В похоронах принимали участие и деятели Коминтерна. В момент прощания с усопшим и совершения ритуала последних почестей выстроились представители Коминтерна.

В их числе находились Генеральный секретарь Исполнительного комитета Коминтерна, руководитель заграничного бюро ЦК БРП Георгий Димитров, Генеральный секретарь коммунистической партии Испании Долорес Ибаррури и др., которых тогда довелось увидеть впервые.

Пламенную Долорес Ибаррури мне приходилось видеть и слушать ее выступление перед рабочими Московского станкостроительного завода «Красный пролетарий» и после этого случая.

В наши дни, когда приходится читать об этих великих людях, я с благодарностью вспоминаю тот случай.

Для нас, музыкантов нашего подразделения, всегда составляло большую радость и честь играть оркестром в порядке шефской помощи на сцене прославленного в нашей стране и за рубежом театра МХАТ им. А. М. Горького, в постановках «Три сестры», «Дни Турбиных» и др., в которых требовалось исполнение маршей духовым оркестром. Бывая за кулисами сцены театра и на его репетициях, каждый из нас

имел возможность видеть «в жизни», а не только на сцене, стоять рядом и быть свидетелем какого-либо делового или обыденного разговора с такими великими титанами в искусстве, как В. И. Немирович-Данченко, О. Л. Книппер-Чехова, М. И. Тарханов, И. М. Москвин, А. Н. Тарасова, И. П. Хмелев, Б. Г. Добронравов.

Зная о том, что мы воспитанники училища и «шефст-вужем» над ними, некоторые из них подходили к нам и в непринужденной, сердечной форме беседовали с нами. При этом они интересовались нашими делами, планами на будущее, давали отцовские напутствия. Так беседовали со мной И. М. Москвин и А. К. Тарасова перед выходом на сцену во время постановки «Три сестры».

Осенью 1940 года прославленный коллектив МХАТа отмечал 42-летие со дня основания своего театра. На это торжество были приглашены шефы – отличники боевой и политической подготовки нашего училища, в числе которых был и наш духовой оркестр, исполнивший ряд музыкальных произведений в одном из фойе театра.

Состоялась торжественная часть. С докладом выступил В. И. Немирович-Данченко, который и сообщил о награждении орденами и медалями Союза ССР ведущих артистов театра.

В тот вечер мне впервые удалось увидеть прославленного советского летчика, дважды Героя Советского Союза генера-

ла Г. П. Кравченко, обращавшего на себя внимание не только высокими правительственными наградами, двумя золотыми Звездами Героя, но и подтянутой внешностью и стройной выправкой.

Однажды весной 1941 года мой сослуживец Николай Мирошниченко предложил мне поехать с ним на киностудию «Мосфильм» – сняться в кино. Такое его предложение меня удивило. Поняв это, Николай успокоил меня тем, что снимать нас будут не в главных ролях, а в так называемых массовых сценах, и объяснил, что нас туда приглашает режиссер-постановщик фильма «Сердца четырех» Юдин. Я согласился. Директор оркестра Б. Л. Бондарев нам разрешил поехать на киностудию с условием, что к 12 часам мы возвратимся в часть.

Приехав на киностудию, мы узнали, что будем сниматься в кинофильме «Сердца четырех», многие сцены которого уже отсняты в летних лагерях нашего училища на станции Кубинка, в 70 км от Москвы по Можайскому шоссе.

Мы переоделись в форму рядовых танкистов и совместно со старшим лейтенантом Колчиным (артист Самойлов) командиром танкового полка подполковником Антоновым, (артист ф.и.о. не помню) и другими находились для отснятия кадра в ожидании актрисы Серовой, игравшей в этом фильме роль молодого ученого-математика.

В этот день планировалось отснять кадр встречи коман-

дира полка подполковника Антонова с Галиной Мурашовой вечером в клубе полка, где она ему рассказывает в фойе об успешно проведенных накануне занятиях с командным составом полка, что она осталась довольна и согласна в таком составе и впредь проводить занятия.

В действительности же на эти занятия явился только старший лейтенант Колчин. Между Колчиным и Мурашовой на занятиях произошел инцидент, из которого они поняли, что равнодушны один к другому.

Во время этой беседы Антонова с Мурашовой нужно было создать в фойе обстановку, типичную для клуба воинской части, в которой отдыхают солдаты и командиры части. Вот эту-то сцену в числе других мы и «играли».

Отработка и съемка этого кадра фильма были назначены на 10 часов утра. В указанное время Серова позвонила и сказала, что она задерживается на репетиции в театре и на студию приедет к 11 часам 30 мин. – 12 часам. Решили ждать. Однако она снова позвонила, ... короче говоря, приехала она к 17 часам, и эта сцена была отснята.

Оставшись довольными тем, что мы оба «попали в кино», уехали в училище, а когда возвратились, то узнали, что оркестр по наряду коменданта Москвы уехал на игру. Беды не миновать! После возвращения оркестра с игры капельмейстер Б. Л. Бондарев перед строем объявил нам по 15 суток неувольнения в город.

В наши дни, когда демонстрируется этот фильм, я иногда хожу на его просмотр, кроме описанного эпизода вижу еще и себя стоящим перед строем оркестра, и мне объявляется дисциплинарное взыскание. Что сделаешь, – так было...

Это был 1941 год. Пламя Второй мировой войны уже бушевало на Европейском и Азиатском континентах. В Европе фашистской Германией поработочены Польша, Чехо-словакия, повержена Франция, оккупированы Бельгия, Голландия, Дания и Норвегия. Возникла угроза вторжения немецких фашистов в Англию. Фашистская Германия подчинила себе Венгрию, Румынию и Болгарию.

Итальянские фашисты хозяйничали в Албании и Северной Африке. Япония – в Юго-Восточной Азии.

На политзанятиях и лекциях лекторы и пропагандисты все чаще и чаще говорят об агрессивных устремлениях фашистских режимов Германии, Италии и милитаристской Японии. О напряженной обстановке в мире, подозрительной возне у государственных границ Союза ССР, строительстве новой линии Маннергейма и восстановлении разрушенных ДОТов и ДЗОТов.

По некоторым предпринимаемым мерам догадываемся об усилиях Верховного Командования Красной Армии, направленных на укрепление обороноспособности наших войск. Так, в нашем училище в апреле и мае 1941 года на год раньше состоялись ускоренные выпуски курсантов и слушателей.

Оставшиеся стали заниматься по сокращенной программе. Выпускников училища в абсолютном большинстве направляют в войска, дислоцирующиеся у западных границ страны и Прибалтики. Нас чаще предупреждают о бдительности.

22 июня 1941 года – воскресный день, обычный выходной день. Однако увольнение в город курсантам и даже слушателям почему-то отменено. Нам выходить из училища запрещено. Командный состав училища ведет себя как-то не так, как всегда. У всех выражение лиц озабоченное, серьезное. Видно по всему, что произошло что-то серьезное и важное, но что именно, мы, музыканты, пока не знаем.

Где-то часов в 11 к нам в подразделение пришел бывший воспитанник оркестра, а теперь курсант училища Женя Петров, который нам «по секрету» и рассказал о вероломном нападении фашистской Германии на нашу Родину. В 12 часов того же дня состоялось выступление по радио Наркома Иностранных дел СССР В. М. Молотова. Из сделанного им заявления Советского правительства стало известно о навязанной советскому народу Великой Отечественной войне. В училище сразу же состоялся митинг. Все участники митинга заклеили вероломство врага и поклялись защищать Советскую Родину до последней капли крови.

Наш оркестр играл сезон на детской площадке, а вечером – на эстраде Парка культуры и отдыха им. А. М. Горького. В связи с войной в парке не играем. Теперь наш оркестр целиком и полностью выполняет возложенные на него функ-

ции по училищу. В основном находимся в летних лагерях на станции Кубинка, но некоторая часть личного состава оркестра несет службу на зимних квартирах в училище. После войны в этом здании размещалась академия Генерального штаба Министерства обороны СССР им. К. Е. Ворошилова, а в наши дни – Университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы.

3 июля 1941 года вскоре после подъема было объявлено о том, что по радио будет передано важное правительственное сообщение. Ровно в 8 утра по радио выступил с известным обращением к народу Председатель Государственного Комитета Союза ССР И. В. Сталин.

По поручению ЦК партии и правительства И. В. Сталин рассказал народу о смертельной опасности, нависшей над Родиной, потребовал покончить с благодушием, беспечностью, о перестройке на военный лад и мобилизации всех сил на разгром врага. Это выступление нельзя было слушать равнодушно. Сразу же после окончания выступления председателя ГКО по радио в подразделениях и у нас были проведены беседы.

Где-то часов в 9–10 утра в июле (даты точно не помню) 1941 года откуда-то с высоты раздался сильный пронзительный шум со свистом, и тут же, снижаясь, пронесся падающий неизвестный самолет и упал в 2–3 км от лагеря нашего училища в сторону г. Можайска. В том же направлении проле-

тело несколько наших истребителей. Через 20–30 минут мы узнали, что нашими истребителями был сбит фашистский стервятник. В 12 часов этого же дня в последних известиях на всю страну было передано о том, что на большой высоте над Москвой был обнаружен и сбит фашистский самолет-разведчик.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.